

Evidence of fragrances in the medieval lives of the saints of the Yaroslavl region

T. A. Matasova¹, A. Y. Ruchkina¹

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-184-193

Research article
Full text in Russian

The article deals with the significance of aromas in Russian medieval literature on the example of the hagiographies of the saints of the Yaroslavl region. The main attention is paid to olfactory symbolism and its role in the creation of sacred images. Authors examine the topics of paradisiacal aromas, which serve as markers of spiritual purity and holiness.

Keywords: Hagiography; aromas; Rostov and Yaroslavl Diocese

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Matasova, Tatiana A. | E-mail: tamatt2009@gmail.com
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Ruchkina, Anna Y. | E-mail: a.ruchkina@school-cpm.ru
Postraduate

Свидетельства об ароматах в средневековых житиях святых Ярославской земли

Т. А. Матасова¹, А. Ю. Ручкина¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2026-2-184-193

УДК 94(47).03/04+27-9

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются особенности обращения к свидетельствам об ароматах в русской средневековой агиографии на примере житий святых Ярославской земли. Основное внимание уделяется ольфакторной символике и её роли в создании сакральных образов, топике райских ароматов, которые служат маркерами духовной чистоты и святости.

Ключевые слова: Агиография; ароматы; Ростовская и Ярославская епархия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матасова, Татьяна Александровна | E-mail: tamatt2009@gmail.com
Кандидат исторических наук, доцент

Ручкина, Анна Юрьевна | E-mail: a.ruchkina@school-cpm.ru
Аспирант

Исследование запахов и ароматов в историко-культурном контексте – значимый тренд в гуманитарном знании последних десятилетий. Восприятие запахов в связи с культурными и социальными явлениями в контексте рассмотрения чувств как отражения моральных норм и культурных ценностей изучается с 1980-х гг. А. Корбен [1], К. Классен, Д. Хоувз и А. Синнотт [2] разработали базовые подходы к изучению свидетельств об ароматах в рамках антропологической парадигмы. Основываясь на их наблюдениях, позднее появились работы, посвященные восприятию запаха в раннехристианской и средневековой культуре [3–4]. Важной вехой в развитии этой составляющей стала работа С. Харви о роли запахов в I–VII вв. н. э. Исследовательница изучала ароматы в культовых практиках, богословских тру-

© ЯрГУ, 2026

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

дах и агиографических и гимнографических произведениях. Она показала, как менялось отношение к запахам в раннехристианском мире, как происходило включение ароматов в христианскую картину мира, обнаружила необычайное богатство смыслов и функций, ассоциирующихся с упоминаниями райского благоухания и приятных ароматов как маркеров святости.

В России данная проблематика только начинает изучаться: большая часть отечественных работ, посвященных ольфакторной проблематике, основывается на материалах Нового времени [6], что связано с обилием и разнообразием источников. Из работ, посвящённых ольфакторной истории русского Средневековья, можно выделить труды Н. Л. Зыховской [4] и Н.А. Рогачевой [5], а также статьи Т. А. Матасовой, рассматривающие свидетельства о символике ароматов в соловецкой книжности [7–8]. Исследовательницей был также поставлен вопрос о возможности признания ольфакторных свидетельств в житиях частью агиографической топики. Свидетельства об ароматах встречаются не во всех житиях, что объясняет, почему современные исследователи не выделяют их в отдельный топос [9]. В то же время повторяемость свидетельств об ароматах в определённых ситуациях позволяет задуматься о необходимости дальнейшего исследования для выявления возможных текстологических сходств и заимствований. Ольфакторная проблематика затрагивается и в работах других медиевистов, однако не является центральной темой их исследований [10–11].

Накопленный в науке опыт обнаруживает широкие перспективы дальнейшего исследования функций свидетельств об ароматах в памятниках культуры русского Средневековья. В данной статье внимание будет сосредоточено на исследовании контекстов и функций упоминаний об ароматах в тех житиях Ярославской земли, где присутствуют ольфакторные подробности.

Исследование опирается на свидетельства из житий свт. Леонтия Ростовского († не позднее 1077), свт. Исаии Ростовского (†1090), блаж. Исидора Твердислова (†1474) и прп. Даниила Переславского (†1540). Необходимо отметить, что не все из этих текстов были созданы на территории Ростово-Ярославской епархии. Одним из наиболее древних местных памятников агиографии является Житие Леонтия Ростовского, первая редакция которого была создана в Северо-Восточной Руси в 1160-х гг. Однако собственно древнейшая редакция не содержит упоминаний об ароматах – они появляются в Троицкой редакции, созданной в XIII в., и редакциях XV в., опубликованных А. А. Титовым [12]. По мнению М. Д. Каган, Житие Исаии Ростовского появилось не ранее XV в., когда произошла канонизация святителя. Скорее всего, местом его создания был Ростов. Первая и вторая редакции в значительной степени основываются на житиях Феодосия Печерского и Леонтия Ростовского, а также Киево-Печерском Патерике и Повести временных лет [13]. В XV в. было создано и к началу XVI в. полностью сложилось Житие Исидора Твердислова, известное

в 6 полных редакциях. В. О. Ключевский и М. Д. Каган считают, что автором Жития мог быть новгородец, опиравшийся при создании на переводное византийское Житие Симеона Эмесского и новгородские легенды [14]. Житие Даниила Переславского также является скорее памятником московской книжности, нежели ростово-ярославской традиции. Оно было написано духовником Ивана IV Андреем, будущим митрополитом Афанасием, который, в свою очередь, был духовным сыном прп. Даниила и служил в Спасо-Преображенском соборе Переславля-Залесского. Житие дошло в первоначальной и сокращенной редакциях. Последняя была составлена для Степенной книги, скорее всего тем же автором. Вскоре после преставления прп. Даниила было написано «Слово о изнеможении преподобного Даниила в церкви и о поучении братии». В 1650-е гг. архимандрит Троицкого Данилова монастыря Тихон написал «Повесть об обретении мощей Даниила и чудеса о них» [15].

Для христианской традиции характерно представление об особом «запахе святости», который служит маркером, позволяющим отличить праведника от грешника. Он особенно ярко проявляется в момент смерти подвижника, подтверждая богоугодность его подвига и знаменуя его переход в Царствие Небесное. Подобное свидетельство впервые появилось в Мученичестве Св. Поликарпа [16, с. 421], а затем получило широкое распространение в сирийской агиографической традиции. Основой для таких представлений мог послужить следующий фрагмент Второго послания апостола Павла к коринфянам: «Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих» (2Кор.2:15). В русских житиях в аналогичном контексте встречаются свидетельства об ароматах в связи с обретением мощей святых. В христианской традиции нетленность мощей рассматривалась как подтверждение святости, хотя и не являлась обязательным условием канонизации. Схожее значение имели и иные чудеса, происходившие от мощей, включая благоухание и мироточение. С точки зрения Церкви мощи призваны были напоминать о подвиге святого и сохраняли благодать, полученную им при жизни, а значит, и особый присущий праведникам «аромат святости». Обретение и перенесение мощей были важными событиями в монастыре или городе, являвшимися центрами почитания того или иного святого. Описания этих событий обязательно попадали в памятники агиографии и нередко сопровождались упоминанием о благоухании, подтверждавшем святость подвижника.

В житиях подвижников, входящих в Собор Ростово-Ярославских святых, есть целый ряд свидетельств о благоухающих мощах. Так, именно распространившийся на весь Ростов аромат извещает горожан о смерти юродивого Исидора Твердислова: «Лажашоу же его святому телеси в хижде его. И се внезапноу весь град обьиде благоухание и всем дивящимся и оужасающимся о благоухании, како и откоуд сие бысть» [17, с. 382]. Аромат рас-

крывает значение служения Исидора, который при жизни скрывал свой подвиг от современников.

А в Житии Даниила Переславского в контексте обретения мощей князя Андрея Смоленского и самого прп. Даниила агиограф усиливает описание нетронутых тлением и благоухающих тел сообщением о том, что мощи были «яко миром помазани» [18, с. 64, 90, 98, 102]. В этом упоминании можно увидеть стремление агиографа уподобить подвижников Христу (*imitatio Christi*), что также подчеркивается фрагментом «Слова о преподобном отце нашем Даниле, о обретении его честных мощей». Описывая переживания и действия монаха Иоанна, которому явился прп. Даниил Переславский и возвестил о грядущем явлении своих мощей, автор «Слова» сравнивает его, стремящегося рассказать о чудесном видении настоятелю монастыря, с женами-мироносицами, принесшими «алавастр мира ко гробу Господню» [18, с. 88] и затем оповестившими апостолов о Воскресении Христовом. Примечательно, что благоухание могло распространяться от святого и при жизни, символизируя стяжание праведником Духа Святого на земле, делая его святость явной для современников. Так, согласно Житию, и при жизни современники отмечали, что визит Даниила Переславского к своей духовной дочери Варваре Федоровой-Челядниной (в иночестве Варсонофии) сопровождается чудесным благоуханием, сохраняющимся в келье и после ухода преподобного [18, с. 25].

Свидетельства основывались не только на агиографической традиции, но и на существовавшей обрядовой практике. В православной церкви погребение усопших, перенесение мощей и поминальные службы с IV в. сопровождались каждением [19, с. 101]. Аромат ладана не только символическим, но и вполне реальным образом сопровождал эти события, символизируя победу над смертью и напоминая о том, что душа умершего попадает в объятия Господа. Существование подобной практики в России второй половины XVI в. подтверждает следующий фрагмент из первоначальной редакции Жития Даниила Переславского, посвященный преставлению преподобного: проститься с Даниилом пришло «и народа множество от града и от весей с свечами и [с] фимияном» [18, с. 73]. В то же время жития отмечают и случаи, когда должное поминовение не совершалось. Например, в Житии Исаяи Ростовского говорится о том, что «небреженьи бысть святого гробъ, яко николиже въ притворѣ ономъ свечи горѣти у гроба святого, или свѣщеннику приходити с кадиломъ ко гробу чюднаго» [20, с. 259]. Также и Даниил Переславский объясняет свое желание создать церковь у скудельницы в Переславле тем, что «никогда же бывает на том месте о тех бесчисленных душах поминовения, ни службы, ни приношения, ни кадила, ни свечи» [18, с. 20]. Эти свидетельства подтверждают роль каждения в поминальных практиках, существовавших в средневековой Руси.

Известно, что каждение и запах ладана символизировали присутствие и благоухание благодати Святого Духа. Подобный смысл вложен в исполь-

зование каждения в чине освящения храма, нашедшем отражение в житиях: «И на освящении снисдошася от града и ис сел множество священническа-г[о] чина, и иноков, и прочего народа, и жен, и детей со свечами, и фимьяном, и с прочим приношением, и милостынею» [18, с. 31]. Чудесным образом аромат, распространявшийся во время каждения, прославляет Леонтия Ростовского в одном из его посмертных чудес. А сам святой, «взем кадилницу» и распространив благоухание на «всю церковь и весь град Ростов» [21, с. 12], тем самым благословляет город. В этом чуде ощутимо показано восприятие «апостола Ростовской земли» как одного из святых покровителей города. Подобным образом присутствие Св. Духа в монастыре и скудельнице, рядом с которой он был основан Даниилом Переславским, было явлено отроку Исаяе в его видении. Исаяя увидел «множество священного чина поющих и кадящих внутри церкви и около церкви кадыху, тако ж и скудельницу кадыху (иже тогда баше в манастири) еще и манастирь весь кадыху», вследствие чего весь монастырь «исполнися благоухания» [18, с. 36].

Таким образом, чудесные ароматы маркировали сакральное пространство обители, а в случае со скудельницей в Житии Даниила Переславского указывали на богоугодность его начинания как создателя монастыря на месте скудельницы для поминовения усопших.

Кроме того, каждение и аромат ладана, или фимиама [о соотношении этих понятий см.: 22, с. 13], символизировали истовую молитву. В Псалме 140 есть знаменитые строки: «Да исправится молитва моя яко кадило предъ Тобою: воздеяние руку моею, жертва вечерняя» (Пс. 140:2). Этот псалом был хорошо известен всем христианам, так как уже в IV в. стал частью чина вечера, а также дважды исполнялся во время литургии преждеосвященных даров во время Великого поста. Именно в таком контексте Даниила Переславского, прилежно молящегося в последние дни своей жизни и стоящего на соборном пении, несмотря на немощь и физические страдания, агиограф сравнивает с благовонным кадилом [18, с. 80]. Такое сравнение является агиографическим топосом, оно встречается в Житиях Сергия Радонежского, Игнатия Ломского, Иоанна еп. Суздальского. А про Леонтия Ростовского автор службы святому пишет: «И вперивъ небесная душа си яко жертва благоприятна в волю принесеса Христу» [21, с. 33]. Эти слова перекликаются с текстом Псалма 50, в конце которого описываются, по словам Игнатия Брянчанинова, «новорожденные ощущения обновленного Святым Духом человека» [23, с. 214]: «тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая» (Пс.50:21).

Реальное и мистическое благоухание в монастырской жизни и чудесах святых могло быть связано не только с каждением и ароматом ладана, но и с благовонным елеем. Использование масла для исцеления болящей упоминается в Житии Даниила Переславского: «соборне священие сотворше маслу и по обычаю помазавше ю святым маслом» [18, с. 104]. Описание позволяет предположить, что над находившейся при смерти женой Евдо-

кийей совершили чин елеосвящения. Это таинство возводят к осмыслению ветхозаветных строк: «Болить ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры Церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне: и молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему» (Иак. 5: 14-15). В этом чине елей могли смешивать с вином или водой. Источавшая тонкий аромат жидкость ощутимо подчеркивала, таким образом, исцеление физическое и духовное, происходившее благодаря молитве.

В другом чуде прп. Даниил явился родственнице больного ребенка, некой Феодоре, во сне в виде «добротрачна старца, держаща сосуд в руке своей, в нем же уже финик (курсив наш. – Т. М., А. Р.])» [18, с. 123]. Образ цветущей финиковой пальмы, источающий ароматы блаженства, был хорошо известен русским средневековым книжникам и прочно связывался с образом Рая. Например, в своем Послании епископу Тверскому Федору Доброму середины XIV в. новгородский архиепископ Василий Калика ссылается на апокрифический рассказ об Успении Богородицы и пишет о том, что знаком скорого преставления Богородицы и перемещения в Рай были ветви финиковой пальмы, принесенные ангелами. В том же послании приводится и легенда о ста финиковых пальмах, посаженных самим Христом у Иордана [24, с. 44–45].

Рис. 1. Передача ключей от Рая апостолу Петру (Traditio clavium).
Христос в Раю в окружении райских деревьев – финиковых пальм.
Рим, Мавзолей Констанции. Мозаика IV в.

Все это – проявления рецепции восходящих к первым векам христианской истории воззрений, согласно которым финиковые пальмы – неотъемлемый атрибут благоуханных райских кущ, в которых Христос ждет верных Его заветам. Уже на первых изображениях Христа в Раю Сын Че-

ловеческий представлен в окружении плодоносящих пальм (например, мозаики Мавзолея Констанции IV в. (рис. 1), конхи алтаря базилики Косьмы и Дамиана на Форуме VI в. (рис. 2) в Риме, в баптистерии Сан Джованни ин Фонте в Неаполе V в., а также некот. др.). Еще в Псалтыри сами праведники сравниваются с финиковой пальмой: «праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ: яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится» (Пс.91:13). Именно поэтому образ финика в сосуде прп. Даниила символизирует его пребывание в Раю. Интересно, что в этом контексте образ финиковой пальмы в представлениях русских книжников – в полном соответствии с раннехристианской традицией, восходящей к Лактанцию [8, с. 116–118], – сближался и причудливо соединялся с образом птицы феникс, которая по свидетельствам Толковой Палеи жила на Востоке – в Палестине или Индии. Автор Толковой Палеи, цитируя 13 стих 91 главы Псалтири, указывает на сходство праведников именно с фениксом. Птица феникс носила на своих крыльях благовония, плела из них гнездо на вершине пальмы, и потому ее образ прочно ассоциировался с ароматами. Возрождаясь из пепла, феникс символизировал истинных праведников: «Аще бо и мучения за Христа прияша, то большую пищу Рая обретоша и въ благоухания пища дворишася» [25, с. 66].

Рис. 2. Птица Феникс на вершине финиковой пальмы. Рим, базилика Косьмы и Дамиана на Форуме. Мозаика конхи алтаря VI в. Фрагмент

Итак, жития ярославских и ростовских подвижников отражают некоторые общие тенденции упоминания ароматов в русской средневековой агиографии и книжности в целом. Опираясь на образы и смыслы, заключенные в библейских текстах, а также на реальную практику богослужений и бытовавшие в русской средневековой книжности представления о райском благоухании, агиографы включали в свои произведения свиде-

тельствва как о реальных ароматах, без которых невозможно представить церковные службы и обряды, так и о чудесном благоухании, призванном подчеркнуть святость подвижника или небесное покровительство, оказываемое монастырю или городу. Святые при жизни и в своих посмертных чудесах «от много ароматъ чюдоносно благоухание испущаютъ, изимающе злосмрадие от сердца верных» [17, с. 254] и таким образом позволяют современникам таинственно ощутить божественное присутствие.

Ссылки

1. Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. P.: Aubier Montaigne, 1982. 334 p.
2. Classen C., Howes D., Synnott A. The cultural history of smell. L.; N.-Y.: Routledge, 1994. 260 p.
3. Albert J.-P. Odeurs de sainteté: la mythologie chrétienne des aromates. P.: Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1990. 379 p.
4. Зыховская Н. Л. Ольфакторная картина художественного мира русской прозы XI-XIX вв. Челябинск: Издательство ЮУрГУ, 2015. EDN WABOBB
5. Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX - начала XX вв.: Проблемы поэтики. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2010.
6. Пироговская М. М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX в. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2018. 392 с.
7. Матасова Т. А. «Благоухание предивное»: ароматы средневековых Соловков и книжных представления о них // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней. Архангельск: Лоция, 2020. С. 363-369. EDN EMLLOG
8. Матасова Т. А. «Дыханье северных садов»: свидетельства об ароматах как символах преобразования пространства в соловецкой средневековой книжности // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 1. С. 109-136. EDN UABZAQ
9. Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 497-499. EDN RPHKDR
10. Бобров А. Г. Ефросин Белозерский в поисках Рая. СПб.: Алетейя, 2023. 270 с. EDN HLRMRW
11. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с. EDN VQMEHX
12. Филипповский Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI - первая половина XIV в.. Л.: Наука, 1987. С. 159-161. EDN VHOIGW

13. Каган М. Д. Житие Исаяи // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1: Вторая половина XIV-XVI вв.. Л.: Наука, 1987. С. 279-280.
14. Гладкова О. В. Исидор // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 27. С. 169-170.
15. Горшкова В. В., Сукина Л. Б. Даниил // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. Т. 14. С. 56-57.
16. Писания мужей апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 672 с.
17. Гладкова О. В. Древнерусский святой, пришедший с Запада: О малоизученном «Житии Исидора Твердислова, Ростовского юродивого» Текст, перевод // Древнерусская литература: Тема Запада в XIII-XV вв. и повествовательное творчество. М.: Азбуковник, 2002. С. 167-210.
18. Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца: Повесть о обретении мощей и чуда его: К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском. М.: Синодальная типография, 1908. 133 с.
19. Калинин М. Г., Макаров Е. Е. Ладан // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 29. С. 636-639.
20. Житие Исаяи Ростовского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 12: XVI век. СПб.: Наука, 2003. С. 254-262.
21. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского / предисл. А. А. Титова. М.: Университетская типография, 1893. 36 с.
22. Силуан (Туманов А. А.), иг. Вдыхая богослужение: к 10-летию создания творческой мастерской «Русский Ладан». СПб.: Феникс, 2024. 235 с.
23. Игнатий (Брянчанинов Д. А.). О прелести // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломник, 2014. Т. 1. С. 214-238.
24. Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV-середина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 42-49.
25. Палей толковая / подг. текста и пер. А. Камчатнова, коммент. В. Милькова и С. Полянского. М.: Согласие, 2002. 647 с.